

Poghosyan V. Report “On Tarle” by V.M. Daline

The author offers the readers the publication preserved in the Archives of Russian Academy of Sciences, the shorthand records of the report of V. M. Daline «On Tarle» which was presented on the 2nd of February, 1931 at the meeting of the Society of Marxists-Historians. On that day, the extraordinary general meeting of the Academy of Sciences of the USSR excluded S.F. Platonov, E.V. Tarle, N.P. Likhachev and M.K. Liubavski from among its full members accused of the «Academic case» in the plot to the restoration of the monarchy. Daline’s report had to politically justify Tarlé’s exclusion from the Academy of Sciences. Daline, the representative of the first generation of Marxist-Historians, according to his scientific and political convictions, referred to Tarle as not adhering to Marxist methodology, «one of the authoritative representatives of bourgeois science», «enemy of Soviet Russia», etc. He subjected him to relentless criticism for «Ententophilia» and for the choice of research topics in accordance with the political state conjuncture. Over the years, the attitude of Daline towards the work of Tarlé underwent significant changes.

Keywords: E.V. Tarle, V.M. Daline, M.N. Pokrovski, historians, historiography, France, the French Revolution, the Entente, terrorism, imperialism, the bourgeoisie

*А.А. Постникова**

ЕВРОПА ПОД НАПОЛЕОНОМ: ВЗГЛЯД СТЕНДАЛЯ

Статья посвящена участию А. Бейля (Стендаля) в военных кампаниях Наполеона. Будучи военным чиновником, Бейль получил возможность в 1808–1814 гг. не только наблюдать за поведением человека на войне, но и анализировать характер взаимоотношений между армией Наполеона и населением территорий, на которых оказались французские солдаты. Это относилось к Вестфальскому королевству (1808), Австрии (1809), России (1812), Саксонии (1813). Бейлю пришлось участвовать и в организации обороны французского департамента Изер в преддверии подхода армий антифранцузской коалиции в 1814 г. Большое внимание автор статьи уделила переменам, происходившим в самом А. Бейле как человеку и творческой личности под влиянием опыта участия в военных кампаниях. Благодаря полученному опыту, будущий великий писатель Стендаль дал миру новое, более реалистичное, чем было в литературе до него, представление о войне.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, А. Бейль (Стендаль), военная оккупация, образ войны в литературе.

14 декабря 1812 г., в тот момент, когда жалкие остатки Великой армии Наполеона еще возвращались из России, в театре Кёнигсберга давали оперу В.А. Моцарта «Милосердие Тита». В зале среди публики, жаждавшей игры чувств и драматизма, оказался человек, который еще только несколько дней назад до этого боролся в русских снегах со смертью. Для Анри Бейля, будущего писателя Стендаля, опера Моцарта стала настоящим символом возвращения к прежней жизни, к жизни в искусстве. Позже, в «Жизнеописании Моцарта» Стендаль напишет: «Финальное прощание, когда Тит говорит собеседнику: “Друзьями будем”, вызывает слезы на глазах у самых бездушных чиновников, чему я сам был свидетелем в Кёнигсберге после страшного отступления из Москвы. Вновь приобщившись к цивилизованному миру, мы слышали в этом городе “Милосердие Тита”»¹. В тот момент Бейль жаждал как можно скорее «отпу-

* Алена Александровна Постникова, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Уральского Федерального университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

стити» воспоминания о России, однако сделать ему этого не удалось. Как только 31 января он вернулся в Париж, то решил поделиться «русскими» воспоминаниями со своим дневником: «Я не люблю писать о себе, но в данном случае я отойду от этого правила»². Изливая на бумаге свои впечатления о России, Бейль писал: «Меня до сих пор не покидает чувство холода. Приятно, что пребывание в Москве и Смоленске породило в моей голове кое-какие идеи»³. Тяготы русской кампании заставили его отказаться от военной карьеры и посвятить свою жизнь искусству. Участие А. Бейля в Наполеоновских войнах началось с 1808 г., когда он в должности помощника государственного советника П.А. Дарю прибыл в Вестфальское королевство. Свое назначение он называл ссылкой «в чертову дыру». Однако именно пребывание на немецкой территории погрузило его в размышления о взаимодействии разных национальных культур в эпоху войны. В письмах Бейль неоднократно с возмущением отмечал, что в госпиталях французские и немецкие солдаты содержатся отдельно друг от друга⁴. Сестре он писал о ненависти к французам со стороны местных жителей и считал это совершенно справедливым: ему претил сам факт оккупации чужой территории⁵.

Весной 1809 г. Бейль был командирован в Вену, что дало ему возможность вновь окунуться в мир искусства. В письмах к сестре он отмечал, что австрийцы довольно доброжелательно настроены по отношению к французам, в отличие от вестфальцев. Во время Ваграмской битвы Бейль находился на в Вене, откуда написал сестре: «У меня повысилась температура, поэтому я не принял участие в сражении 6-го этого месяца, о чем не жалею. Как всегда это был досадный спектакль: пятьсот тысяч человек сражалось в течение пятидесяти часов. Было заключено перемирие. Мы все верим в мир»⁶. Он не восхвалял победу французского оружия. Для него, человека широкой культуры, не знающей национальных преград, ценнее всего была способность видеть в неприятеле человека. И он с гордостью сообщил сестре, что «спас в этой кампании жизнь двум немецким военнопленным»⁷.

Бейль провел прекрасное лето в Вене, не переставая удивляться доброжелательному отношению местных жителей к французам даже по-

¹ *Стендаль*. Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазиио. М., 1988. С. 187.

² *Stendhal*. Journal (1811-1823). P., 1937. T. V. P. 117.

³ *Ibid.* P. 118.

⁴ *Stendhal*. Correspondance. P., 1933. P. 9.

⁵ *Ibid.* P. 11.

⁶ *Ibid.* P. 185.

⁷ *Ibid.* P. 186.

сле военного поражения Австрии. В письме к сестре он назвал такое поведение «глупостью, равнодушием к судьбе своей страны», поскольку считал, что французы в Австрии – это, прежде всего, захватчики, а не союзники. С такими мыслями о французской оккупации как режиме насилия, на стороне которого он вынужден находиться, Бейль покинул Вену в октябре 1809 г. после подписания мира. Ехал в Италию, где только и чувствовал себя всегда свободным и близким к искусству, что было для него одно и то же. Он надеялся, что больше никогда не увидит ужасов войны. Но впереди его ожидал 1812 год. Когда началась Русская кампания, будущий писатель находился в Милане и только стремление получить титул барона заставило его ввязаться в эту авантюру. 23 июля 1812 г. он в качестве аудитора Государственного совета и помощника военного комиссара отправился в Россию, догнав армию 14 августа. Война его сразу же разочаровала: «Я не счастлив, что попал сюда. Как меняется человек! Иной раз я готов расплакаться. В этом океане варварства моя душа не находит отклика не в чем!»⁸, – писал он из Смоленска своему другу Ф. Фору.

Разочарование заставило его по достоинству оценить наиболее яркие моменты из своего прошлого: «С тех пор, как я узнал Милан и Италию, все, что я вижу, отталкивает меня своею грубостью»⁹. Война не оправдала его романтических чувств и амбиций, и он поспешил вернуться в свой мир искусства, в котором никогда не ощущал одиночества. Недалеко от Смоленска он нашел пианино и попросил своего товарища... сыграть Моцарта.

Судя по письмам и произведениям будущего писателя, его не впечатляло величие сражений. Он не находил в них героизма, а описывал их скорее с иронией. Даже Бородинская битва не оставила его в памяти каких-либо ярких воспоминаний. В «Записках эгориста» Стендаль вспоминает лишь об одном ее моменте, не несущем какого-то глубокого смысла: «В вечер после Бородинской битвы, заметив в нескольких шагах от себя останки 2-х или 3-х гвардейских генералов, я не мог удержаться, чтобы не заметить: “Несколькими наглицами стало меньше!” – замечание, чуть не погубившее меня и показавшееся бесчеловечным»¹⁰.

Заметим, что эту ремарку о Бородинском сражении Стендаль сделал много лет спустя. Думал ли он тогда, в 1812 г., именно так? В его переписке в ходе русской кампании не встречается упоминаний о Бородинском сражении. Возможно, он и не был его очевидцем. Следует заметить, что

⁸ *Ibid.* P. 64.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Стендаль*. Записки эгориста // Стендаль. Собрание сочинений. М., 1959. Т. 13. С. 3.

в своих письмах начала войны будущий писатель занимает позицию стороннего наблюдателя, и достаточно сложно выявить те события, в которых лично он принял непосредственное участие.

Лишь в Москве Бейль оказался вовлечен в борьбу за жизнь. С первого дня пребывания в городе, с 14 сентября, он начал фиксировать в дневнике все события. Как мы узнаем из его записей, полк, в котором находился Бейль, расположился в Апраксинском дворце, со двора которого был виден пожар в Китай-городе. В первый же день, преодолевая зубную боль, Бейль принял участие в тушении полыхающих зданий. Когда огонь добрался до Апраксинского дворца, Бейлю и его товарищам пришлось отправиться на поиски более безопасного места пребывания.

Бродя по городу, он встретил французскую актрису Аврору Бюрге, о чем так написал в своем дневнике: «Я нашел мадам Б... Она хотела броситься мне в ноги; это было бы очень смешно. Я заметил, что в ее словах не было естественности. Я сделал, конечно, для нее многое, поместив ее толстую невестку в свою коляску»¹¹. Актриса подбодрила его важной новостью о том, что Мелани Гильберт, одна из бывших возлюбленных Бейля, часто о нем вспоминала. Мелани фигурирует в записках писателя под сценическим именем Луазон. Вот одна из его записей от 19 февраля 1805 г.: «У нее такая же впечатлительная душа, как и у меня»¹². Однако все для него закончилось довольно драматично: Мелани вышла замуж за русского генерала Баркова и уехала в Россию. И вот теперь в дневнике вновь появилось ее имя, но ни слова о том, какое впечатление на него произвело это воспоминание.

После описанной встречи ему пришлось продолжить поиски крова для себя и своих товарищей, несмотря на накопившуюся усталость: «Уже с самого Смоленска я совсем обессилел, а еще был настолько ребячлив, что вкладывал душу в поиски этих домов и всячески суетился и хлопотал. “Вкладывал душу”, пожалуй, слишком сильно сказано, но суетился я действительно много»¹³. Переезд из Апраксинского дома во дворец Ф.В. Ростопчина, где имелась обширная библиотека, позволил Бейлю на мгновение вновь погрузиться в любимый им мир книг: «Мы остановились в этом доме, где, по-видимому, жил богатый человек, любящий искусство. Там были прекрасные книги. Например, Бюффон, Вольтер»¹⁴. Оказалось, что и здесь, в «варварской» стране, живут образованные люди. Впрочем, в Москве его увлекала не только литература, но и участие в

¹¹ *Stendhal. Journal*. P. 106.

¹² *Стендаль. Записная книжка*. М., 2001. С. 41.

¹³ *Stendhal. Journal*. P. 106.

¹⁴ *Ibid.*

грабежах: «Я устал; приходилось идти пешком, так как моя коляска была загружена добром, награбленным моими слугами»¹⁵.

Обозревая горящую Москву, Бейль преисполнялся ненавистью к организаторам пожара: «Мы видели огромные горящие пирамиды из мебели. Это дело совершил коварный Ростопчин»¹⁶. Можно сказать, что первые два дня пребывания в русской столице заставили будущего писателя наконец-то почувствовать опасность и ощутить ответственность за товарищей. Прежнее ироничное описание войны, характерное для молодого Бейля, исчезло. Опасность, с которой он столкнулся в Москве, заставила его задуматься о смерти и сохранить благодаря этому память о своем пребывании в этом городе. Возможно, именно поэтому он решил, что когда-нибудь отправит Ф. Фору свой дневник: «Сохрани эту болтовню. Необходимо, чтобы я извлек пользу из этих страданий»¹⁷. После 15 сентября Бейль «замолчал» на две недели. Даже его, абсолютно равнодушного к войне, постигло разочарование, и только 30 сентября он оборонил: «В течение 6 дней книги мне причиняют только отчаяние. Неприятности не прибавляют сил. Я надеюсь, что моя работоспособность вернется»¹⁸. Он постарался сдерживать это чувство, когда писал своим корреспондентам из Москвы. В его письмах мы не увидим ни жалоб, ни страха, а лишь безмятежные наблюдения писателя.

2 октября он нашел возможность написать другу. Накал опасности, связанный с пожарами, угас, и Бейль уже не возвращается к этим событиям. Похоже, этим письмом он заполняет имеющийся в дневнике пробел. Так, мы узнаем, что дни с 16 сентября по 2 октября он провел в одиночестве, наслаждаясь сочинением пьесы «Летелье»: «Я заболел, и мне дали 8 дней одиночества. В этих обстоятельствах я должен возобновить написание “Летелье”. Это у меня вызывает сладкие воспоминания»¹⁹. Возможно, главный герой его произведения напоминал ему себя самого: тщеславного юношу, который отправился за баронским титулом в «дикую» Россию, где встретил жестокое разочарование. Через несколько лет в предисловии к этой пьесе Стендаль вспомнит о своем пребывании в Москве: «Я возобновил тогда Летелье для того, чтобы занять эти пустые дни»²⁰. Да, спустя несколько лет, взглянув на московские дни с высоты состоявшегося писателя, он счел пребывание в бывшей русской столице бесполезным.

¹⁵ *Ibid.* P. 110.

¹⁶ *Ibid.* P. 114.

¹⁷ *Ibid.* P. 115.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Stendhal. Correspondance*. P. 67.

²⁰ *Stendhal. Théâtre*. P., 1931. P. 14.

Задержавшись на пепелище сгоревшей Москвы, Бейль подбадривает себя мыслями об искусстве: «Кажется, мне придется провести здесь зиму; надеюсь, что у нас будут концерты»²¹. Не избежал он также искушения в очередной раз дать характеристику своему окружению: «Я тебе пишу в маленьком дворце, где два молодых дурака, прибывшие из Парижа, рассказывают о том, чем бы они хотели заняться в Москве»²².

Первое письмо Бейля к Фору привлекает обилием размышлений об искусстве и философии. В дальнейшем эти мысли о литературе, которыми он тогда поделился с другом, Стендаль более точно сформулирует в труде «Расин и Шекспир»: «...тем, кто участвовал в отступлении из России, смешны классические пьесы, нужна эстетика Шекспира»²³. За этими размышлениями достаточно трудно увидеть детали тогдашней военной обстановки. По всей видимости, только в дневнике он позволял себе высказаться о сложнейших проблемах, с которыми сталкивался, и не боялся написать о своем состоянии. В письме же к Фору он избегал говорить о себе, но обсуждая лишь искусство и свою будущую пьесу. Это не удивительно: Бейль был чрезвычайно скрытным человеком, для которого наибольшую ценность представляли творческие идеи. И даже автобиография была замаскирована им под художественное произведение. Он не пытался добиться признания со стороны современников и потомков и во всем следовал принципу – быть верным только себе. Эту идею Стендаль более глубоко выразил в статье «Люди, о которых говорят», естественно, не причисляя себя к таковым.

Возникает даже сомнение в степени его искренности со своим другом Фором, ибо позднее, в «Анри Брюларе», Стендаль откровенно признавался: «Феликсу Фору, давнему моему другу по Греноблю, были совершенно чужды мои безумные рассказы о любви и искусствах. Это отсутствие безумия у него всегда притупляло нашу дружбу, которая, по сути, была лишь попутчеством в жизни»²⁴. Стендаль вообще не проявлял искренности в общении с людьми, в чем он признался в письме сестре из Москвы²⁵. Поэтому, конечно, полностью доверять тому, что было изложено им в письмах, едва ли возможно.

После того как Бейль поделился своими философскими размышлениями с Фором, он 4 октября без каких-либо комментариев отправил ему

²¹ *Stendhal. Correspondance* (1812-1816). P. 69.

²² *Ibid.*

²³ *Стендаль. Расин и Шекспир*. М., 1987. С. 45.

²⁴ *Стендаль. Анри Брюлар // Стендаль. Собрание сочинений*. М., 1959. Т. 13. С. 103.

²⁵ *Stendhal. Correspondance*. P. 97.

свой дневник за 1812 г. и больше не писал ему из Москвы. Таким образом, Фору оставалось только думать, что его друг проведет зиму в Москве за написанием «Летелье». И хотя 15 октября Бейлю было уже известно, что армия вскоре оставит город, своим близким он об этом не сообщил. 16 октября Бейль оправил письмо графине А. Дарю, описав в шуточной форме свои приключения в Москве. Он довольно легкомысленно охарактеризовал цель своего путешествия: «Я поехал в Россию в поисках развлечений, я их не нашел и все время думаю о Франции»²⁶. Вместе с тем, его письмо передает не только состояние скуки и разочарования, но и одиночества. Он упоминает только об одном человеке, с которым ведет разговоры. Очевидно, этим человеком был главный распорядитель императорской квартиры М. Жуанвиль, рядом с которым будущий писатель находился с самого начала кампании. С ним Бейль познакомился еще в Италии в 1800 г. и с тех пор называл его просто Луи.

Если письмо Бейля к Фору было насыщено глубокими философскими размышлениями, то послание к графине Дарю выглядит довольно легкомысленным. Возможно, что причиной того было отношение писателя к графине, о которой в «Анри Брюларе» Стендаль скажет так: «Вообще же я никогда не встречал существа, которое было бы до такой степени лишено небесного огня»²⁷.

Когда стало известно, что армия собирается уходить из Москвы, Бейль внезапно вспомнил о Мелани Гильберт. Он решил позаботиться о судьбе Луазон, попросив нотариуса М. Русса оказать ей помощь: «Мне кажется, ей будет трудно переехать из Петербурга в Париж»²⁸. Свое неравнодушие к Мелани в письме он пояснил следующим образом: «Я решил, что наша дружба с г-жой Барковой обязывает меня собрать эти грустные сведения»²⁹.

Помимо заботы о Мелани, в Москве Бейлю пришлось участвовать в решении проблемы обеспечения армии продовольствием. В письме интенданту г. Ковно Ш.Л. де Ну он скромно указал, что считает себя не слишком подходящим для подобного назначения: «Я облечен чем-то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Не знаю, что из этого выйдет. По-моему, это неправильная мера»³⁰. Тем не менее, несмотря на сомнения, он ответственно подошел к выполнению своих обязанностей и, преодолевая ужасную зубную боль, принялся за работу.

²⁶ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P., 1913. P. 161.

²⁷ *Стендаль. Анри Брюлар*. С. 246.

²⁸ *Lettres interceptées...* P. 152.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.* P. 126.

Ему удалось наладить взаимодействие с интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Тон его писем к интендантам Могилева и Витебска вежливый и даже просящий: «Нам придется вступить с вами в деловые отношения, и я самым настоящим образом припадаю к вашим стопам и умоляю вас помочь мне выполнить очень трудное поручение»³¹. Как видим, Бейль был способен отойти от принципов эгоцентризма ради выполнения долга. О своих усилиях он не без юмора сообщил де Ну: «Восемь гвардейских капитанов стали майорами, хотя они не сделали ни единого выстрела, а аудиторы мучались»³².

Служебные обязанности заставили его покинуть город 16 октября. Через несколько лет, вспоминая в «Жизни Наполеона» пребывание Великой армии в Москве, Стендаль напишет: «Из тщеславия Наполеон решил взять Москву. Этот неосторожный шаг не имел бы вредных последствий, если бы император оставался в Кремле не более трех недель»³³.

Бейль нигде не пишет о направлении движения Великой армии после ее ухода из Москвы. Только однажды, из Смоленска, в письме к Дарю он обмолвился: «Я не могу контролировать генеральную квартиру во время этого движения на Петербург»³⁴. Вероятно, Бейль полагал, что Наполеон пойдет на русскую столицу. Можно только догадываться, какие лишения и трудности пришлось испытать Бейлю по дороге от Москвы до Смоленска. О них он умалчал. Единственное, что нам известно из его последующих писем, этот путь он проделал в конвое с больными и ранеными. Возле Смоленска конвой подвергся нападению казаков. Возможно, именно в этой схватке и были утеряны дневник за 1806-1807 гг. и пьеса «Летелье».

7 ноября Бейль прибыл в Смоленск и в этот же день отправил Фору письмо, признавшись, что никакие невзгоды не убили в нем романтика: «Благодаря отсутствию моих коллег ничто не нейтрализовало романтическую сторону моей души, без которой я противен себе»³⁵. Он пытался проанализировать причины, которые привели армию к краху: «Все наши идеи были разбиты о физические лишения»³⁶. Состояние армии он характеризовал так: «Люди падают больные. Им хочется верить, что они еще могут действовать, но на самом деле это уже не так»³⁷. Пройдет время, и чувство сострадания к своим боевым товарищам покинет Стенда-

³¹ Ibid. P. 127.

³² Ibid.

³³ Стендаль. Жизнь Наполеона // Собрание сочинений. М., 1955. Т. 11. С. 148.

³⁴ Stendhal. Correspondance. P. 110.

³⁵ Lettres interceptées... P. 201.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. P. 211. РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266. Л. 12.

ля. В дальнейшем, осмыслив поведение солдат, он в очередной раз придет к выводу о тщеславности французов. В большинстве произведений Стендаля осуждается эта черта его соотечественников. В труде «Жизнь Россини» он назовет тщеславие основной причиной поражения французов в России. Но ведь оно было присуще и самому Бейлю, когда русская кампания только начиналась! Возможно, именно война 1812 г. заставила его избавиться от этой черты своей природы.

В письме от 9 ноября из Смоленска графине Дарю еще чувствуется присущая молодому Бейлю сентиментальность. Автор стремится вызвать у графини чувство сострадания. Из этого письма мы узнаем, что Бейль 24 октября был атакован казаками³⁸. Об этом он в дальнейшем подробнее расскажет своему другу и ученику, писателю П. Мериме: «Уехав из Москвы, Бейль оказался вместе с отрядом в полторы тысячи человек отрезан от остальной армии весьма значительным корпусом русских. Часть ночи была проведена в жалобах, но потом энергичные люди принялись увещевать трусов»³⁹. В следующем письме графине от 10 ноября Стендаль великолепно передает атмосферу опасности, тревоги, что еще больше должно было приподнять его мужественность в глазах адресата. К нашему удивлению, обращаясь к ней, он сообщает, что во время отступления к Смоленску обрел друзей, хотя в предыдущем письме видели совершенно другую картину. Среди новых товарищей он особо отмечает генерала П. Мурье, командующего кавалерией 3-го армейского корпуса маршала М. Нея. Этот генерал был ранен в Бородинском сражении и находился в транспорте с ранеными, с которым следовал и Бейль. Вместе с Мурье он проделает путь до самой Березины⁴⁰.

Несмотря на все препятствия и лишения, Бейль не утратил надежду получить титул барона, о чем он написал отцу из Смоленска: «Завтра я, вероятно, заеду в Оршу по дороге в Минск. Я измучен и умираю от усталости, но здоров. В дороге я болел. Словом, если его величество сделает меня бароном, я не напрасно получу этот титул. Гаэтан, тоже устал, но здоров. Тысячу приветов всей семье»⁴¹. Из этого письма мы узнаем, что Бейль во время отступления из России находился вместе с младшим помощником военного комиссара, своим кузеном Г. Ганьеном. Более в своих письмах он уже ни словом не упомянет ни о своих обязанностях интенданта, ни о своих надеждах получить титул барона. После письма к отцу Бейль на десять дней прервал переписку. Лишь 20 ноября он в

³⁸ Lettres interceptées... P. 233-234; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266. Л. 11.

³⁹ Mérimée P. Henry Beyle. P., 1850. P. 17.

⁴⁰ Stendhal. Correspondance. P. 102; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266. Л. 9-10.

⁴¹ Lettres interceptées... P. 270.

письме к сестре в очередной раз попытался осмыслить все произошедшее с ним. Только в общении с ней он мог позволить себе искренность. В его записной книжке 1805 г. есть следующая запись о сестре: «Думаю, что не слишком много на свете братьев вроде меня, которые имеют счастье пользоваться взаимной дружбой девушки, обладающей блестящими способностями и чудеснейшей душой»⁴². В упомянутом письме Бейля к ней от 20 ноября центральное место занимает тема Москвы: «...Этот прекраснейший город, один из прекраснейших храмов наслаждения, превратился в черные развалины»⁴³. Но, описав пожар и сам город, Бейль обошел молчанием тему отступления и пребывания армии в Смоленске. Возможно, обращаясь к наиболее ярким впечатлениям прошлого, он мысленно хотел уйти от окружавшей его реальности.

Это письмо интересно тем, что автор приложил к нему записочку, в которой, по собственным словам, изложил правдивые мысли: «Разбери, если у тебя хватит терпения, прилагаемый черновик; это письмо госпоже Беньо, и все, что в нем написано, чистая правда». Действительно, текст этой маленькой записки во многом отличается от предыдущих писем Бейля. Будущий писатель впервые позволил себе высказать обеспокоенность судьбой армии: «Мадам, великое несчастье, мы уменьшили человеческий род. Мы испытали великие трудности, и это меня печалит»⁴⁴. Через несколько лет Стендаль посвятит графине Беньо свое произведение «Письма о Гайдне, Моцарте и Метастазии». А в тот раз он попросил сестру вложить эту записку в дневник, где ее, к сожалению, в дальнейшем не оказалось. Возможно, оно так и не попало к адресату.

Бейль не утратил мужества на протяжении всего периода отступления, включая переправу через Березину, которая сломала даже самых стойких. По рассказу, дошедшему к нам через П. Мериме, на переправе произошло следующее: «Г. Бергонье, аудитор Государственного совета, говорил мне, что он обязан жизнью Бейлю, который уговорил его перейти через Березину вечером накануне дня отступления. Бергонье хвалил хладнокровие и здравый смысл Бейля, не покидавшие его даже тогда, когда самые храбрые теряли голову»⁴⁵. По словам Мериме, даже Дарю, известный своим хладнокровием, признал: «Бейль, вы – человек крепкого сердца». Переправа через Березину оставила глубокий след в памяти и самого писателя. В произведении «Пармская обитель» Стендаль назвал этот эпизод одной из ужаснейших катастроф, погубивших Наполеона.

⁴² *Стендаль*. Записная книжка. С. 101.

⁴³ *Stendhal*. Correspondance. P. 113.

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Mérimée P. Henry Beyle*. P. 22.

После возвращения из России Бейль выглядел ужасно и решил составить свое второе завещание, хотя и с оговоркой: «Завещание – это, конечно, смешно, даже если меня и угораздило побывать в Москве»⁴⁶.

14 февраля 1813 г. Бейль присутствовал на заседании Законодательного корпуса, на котором Наполеон попросил его членов проголосовать за решения, позволяющие ему начать новую кампанию. 22 февраля Пруссия вступила в альянс с Россией. 17 марта она объявила войну Франции. 14 апреля Австрия также разорвала союзнический договор с Францией и предложила свое посредничество в конфликте. Спустя два дня Наполеон возглавил в Эрфурте свою новую армию, составленную, главным образом, из новобранцев. Равнодушно наблюдая за подготовкой к новой кампании, Бейль мечтал о том, чтобы тяготы войны на сей раз его не затронули. Будущий писатель отказался от военной карьеры, осознав, что его истинное предназначение – творчество. «Я многое понял в России. Все мне предсказывали великое будущее на государственной службе. Изменился для меня смысл этого продвижения»⁴⁷, – написал он сестре Полине. Увы, события новой кампании не оставили его в стороне. Он получил приказ отправиться в Германию по делам службы. 19 апреля Бейль был уже на пути в Майнц. 26 апреля в письме из Эрфурта он поделился своей печалью с давним знакомым бароном Стромбергом: «Мой дорогой друг, я здесь, в Германии, уже в четвертый раз. Я думаю, что вы находитесь в генеральной квартире принца Экмюльского. Сообщите ваши новости. Враг отступил! Я счастлив как патриот, но мне грустно как человеку. Прошло только 7 дней, как я покинул Париж, а кампания мне уже пронзила сердце. Я все еще нахожусь под впечатлением от увиденного в России и не имел возможности отдохнуть после Москвы»⁴⁸. 20 мая он наблюдал пожар в Бауцене и «всё, что можно видеть после битвы, – то есть ничего»⁴⁹. 6 июня 1813 г. министр военного снабжения Пьер Дарю отправил Бейля как опытного аудитора в г. Саган, в Силезию. Там он коротал свои дни в прекрасной компании. Иногда ужинал с генералом М.В. Латур-Мобуром, читал Тацита⁵⁰ и крайне сожалел о том, что не удастся завоевать расположение немецких дам: «У всех мужчин есть приятные женские компании, только я остаюсь в одиночестве»⁵¹. В отличие от пребывания в России, здесь в распоряжении Бейля была личная комната, что дало ему возмож-

⁴⁶ *Ibid.* P. 156.

⁴⁷ *Correspondance* (1812-1861). P. 125.

⁴⁸ 26 апреля, Эрфурт // *Ibid.* P. 128.

⁴⁹ *Ibid.* P. 179.

⁵⁰ *Stendhal*. *Journal* (1811-1823). P. 182.

⁵¹ *Ibid.* P. 182.

ность вкушать радость общения с искусством. 21 июня 1813 г. он записал в дневнике: «Я собираюсь одолжить у кого-нибудь пианино, чтобы поставить в своей комнате, и найду человека, который по часу в день будет играть музыку Моцарта»⁵². Бывали мгновения, когда на него находило отчаяние. Так, в годовщину своего отъезда в Россию он записал: «Что это был за год! Для полноты картины я получил еще это интендантство, и теперь не хватает только болезни»⁵³. Через несколько дней после этой записи его действительно свалила болезнь: «Я читаю Тацита. Болею, мое истинное несчастье состоит в отсутствии искусства»⁵⁴. Вернулась сильная лихорадка по утрам с приступами бреда – впрочем, она обернулась для него и кое-какой пользой: он был отправлен на лечение в Дрезден. Воспользовавшись моментом, Бейль устремился в театр на оперу «Тайный брак». Однако игривая музыка Чимарозы не возродила его к жизни: «Я прибыл позавчера и только что слушал оперу “Тайный брак”. Но во время спектакля я потерял сознание и был удален. Я думал, что в Дрездене найду искусство! Я не способен читать. Я был бы счастлив, получив два месяца отдыха на выздоровление»⁵⁵.

12 августа 1813 г. Австрия объявила войну Франции. На следующий день состояние здоровья Бейля резко ухудшилось, и он не смог выехать с миссией во Франкфурт. Он болел уже два месяца. Дарю разрешил ему вернуться в Париж, и 14 августа Бейль отправился в обратный путь, доверительно сообщив сестре: «Под большим секретом — его сиятельство герцог Кадорский⁵⁶, очарованный моей физиономией, позволил мне отправиться на юг кормчим на галерах — чтобы немного согреться. Так что я еду в Милан. Для посторонних — я в Куларо и со своей семьей. Как раз там я действительно был ровно два года и два дня тому назад»⁵⁷. С дороги он написал Александрине Дарю⁵⁸: «Я очень устал. Мне очень хотелось бы, чтобы обо мне вообще забыли...»⁵⁹.

7 сентября Бейль вновь оказался в Милане. Итальянский воздух вернул его искусству. В первый день своего пребывания в Италии он слушал оперу Фиораванти «Деревенские певички»⁶⁰. Освободившись от военных

⁵² Ibid. P. 185.

⁵³ Ibid. P. 187.

⁵⁴ Стендаль – Фору, Саган, 16 июля 1813 г. // *Correspondance* (1812-1861). P. 137.

⁵⁵ Стендаль – Фору, Дрезден, 30 июля 1813 г. // Ibid. P. 142.

⁵⁶ Шампаньи Ж. Б., сенатор, бывший министр иностранных дел.

⁵⁷ Стендаль – сестре Полине, Дрезден // Ibid. P. 144.

⁵⁸ Александра Дарю – жена кузена Стендаля, генерал-интенданта Великой армии П. Дарю.

⁵⁹ Стендаль – А. Дарю // Ibid. P. 146.

⁶⁰ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 204.

обязанностей, он продолжал следить за событиями: «Я был счастлив, прочитав бюллетень о сражении при Дрездене»⁶¹. Бейль вновь вернулся к работе над пьесой «Летелье».

Служебные дела потребовали присутствия Бейля в Париже. Он вернулся туда 14 ноября, попросил освободить его от военной службы, ссылаясь на свои обязанности аудитора Государственного совета, и получил такое разрешение. Однако в качестве аудитора он был отправлен в департамент Изер, где должен был набрать до 300 тыс. солдат. Оказавшись под началом сенатора Ж. Д. Р. Лакруа де Шевриера, графа де Сен-Валье, Бейль вынужден был сопровождать его в Гренобль и всячески помогать по организации защиты прилегающей к городу территории силами 7-го военного округа. Оказаться в родном Гренобле по такому поводу — худшего наказания нельзя было придумать: «Моя сестра, эта добрая душа, ни минуты не обольщалась и искренне жалела меня, видя, в какую жуткую ситуацию я попал»⁶². Не испытывая энтузиазма от полученного назначения, он все же не стал манкировать возложенными на него обязанностями: «Я получил ваше письмо о том, что я должен сопровождать графа Сен-Валье при исполнении им своей миссии. Я испытываю удовольствие от дела, исполнение которого могло бы меня рекомендовать императору как достойного награды»⁶³.

Бейль прибыл в Гренобль 5 января 1814 г. в 5 часов утра⁶⁴. И вновь он почувствовал себя рабом обстоятельств. Окружение, в котором он оказался, досаждало ему: «Источником моей скуки в Гренобле был маленький остроумный математик (Ж.Б. Фурье, префект Изера. – А.П.)». В дальнейшем Стендаль довольно нелюбезно вспомнит о нем в «Люсьене Ливене», представив в образе префекта Буко⁶⁵. Организация защиты целого региона – дело непростое. Надо было мобилизовать национальную гвардию и отряды добровольцев, наблюдать за противником, дислоцировавшимся поблизости, сконцентрировать войска, следить за изготовлением боеприпасов, снабжать ими гарнизон, предупреждать возможные беспорядки, исполнять разнообразные поручения начальства и осуществлять связь с городом Шамбери. Бейль усердно принялся за дело, но сразу же стал жертвой ряда неблагоприятных обстоятельств. Основной проблемой была малочисленность гарнизона в Гренобле, о чем Бейль неодно-

⁶¹ Ibid. P. 205.

⁶² Ibid. P. 212.

⁶³ Стендаль – Монталиве, Париж, 27 декабря 1813 г. // *Correspondance* (1812-1861). P. 165.

⁶⁴ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 229.

⁶⁵ *Stendal. Lucien Leuwen*. P., 2010. P. 616.

кратно писал военному министру А.Ж. Кларку: «Мы не можем сформировать гарнизон в Гренобле из 1780 человек. Солдаты устали. Надежда остается только на некоторый патриотизм в департаменте Изер. Я вас прошу увеличить жалованье. У нас есть солдаты 11-го полка, которым не выплачивалось жалованье в течение нескольких месяцев»⁶⁶. Ситуация в Гренобле ухудшилась в связи с падением Лиона, и Бейль оказался перед угрозой приближения врага: «Мне кажется, в связи с Лионом всех захватила тревога. Наша ситуация может стать еще более плачевной. Будет очень грустно, если мужественная провинция Дофине будет вынуждена сдать врагу»⁶⁷. С этого дня он стал часто писать о необходимости защищаться до последнего. Поскольку в городе было много раненых, Бейль питал надежду на то, что император все-таки обеспечит защиту города⁶⁸.

Этот период стал для Бейля самым ответственным в его военной карьере. Он работал без отдыха, разрабатывая планы действий: «Я падаю от болезни, работаю день и ночь. Мы будем защищать департамент Изер с 2500 новобранцами против вражеских сил числом в 3000 человек. Я несколько раз писал принцу Камиллу Боргезе⁶⁹, чтобы в случае необходимости отступить в Италию». Вскоре он серьезно заболел и был вынужден перейти на постельный режим. Работа, возложенная на него, оказалась непосильной, и граф де Сен-Валье удовлетворил просьбу Бейля о возвращении в Париж: «Я согласен, Бейль очень много работает, но здоровье его подводит. Он участвовал в кампании в Москве, потом в Силезии. У него не было возможности отдохнуть»⁷⁰. В начале марта Бейль отбыл в Шамбери⁷¹, а в конце месяца вновь оказался в Париже. 27 марта, после короткой остановки в отеле «Гамбург» на улице Жакоб, он вернулся на свою парижскую квартиру. 30 марта боевые действия шли уже на склонах Монмартра. Но эти исторические события оставили Бейля равнодушным. «Все шло нормально, никаких беспорядков не было»⁷², — написал он сестре, имея в виду, что в городе ничего не сторело, и ничего не было разграблено. Конечно, в сравнении с московским пожаром, ущерб был невелик...

⁶⁶ Стендаль – графу Фельтрскому, 13 января 1814 г. // *Correspondance* (1812-1861). P. 179.

⁶⁷ Стендаль – графу Фельтрскому, 15 января 1814 г. // *Ibid.* P. 182.

⁶⁸ *Ibid.* P. 193-195.

⁶⁹ Камилл Боргезе – принц империи, с 1808 г. был генерал-губернатором Пьемонта.

⁷⁰ *Ibid.* P. 196.

⁷¹ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 243.

⁷² *Stendhal. Correspondance.* P. 279.

29 марта он завтракал в кафе Фуа с приятелем. Они собирались выпить водки и полюбоваться красотою Версаля, когда их разговор прервали крики толпы с улицы. Выйдя из кафе, они увидели, как экипаж императрицы покидает город. В этот момент Анри серьезно испугался за судьбу сокровищ Лувра в связи с тем, что императорская семья покинула город. Странно, но единственное произведение, которое он в тот момент захотел во что бы то ни стало спасти, – это «Мадонна в кресле» Рафаэля⁷³. Он зашел в музейное бюро и попросил, чтобы картину отправили в Рамбуйе к императрице. На это предложение ему ответили, что директору Лувра Д. Денону запрещено действовать без согласования с будущим главой государства. Служители музея сообщили Бейлю, что им приказано упаковать 500 картин на продажу, но они втайне смогли укрыть «бедных маленьких фламандцев». В этот же день Бейлю посчастливилось встретить самого Денона. Он сказал директору Лувра, что в последний раз пришел полюбоваться на картины и повторил свое предложение, на которое получил неожиданно резкий ответ: «Я понимаю ваши опасения, но без официального распоряжения я не буду действовать. Вы хотели бы, чтобы меня выставили глупцом? Отправить картину в Рамбуйе...»⁷⁴. 1 апреля 1814 г. по предложению Ш.М. Талейрана Генеральный совет департамента Сены заявил о реставрации Бурбонов. Королем был объявлен Людовик XVIII. В тот же день Бейль узнал, что лишен денежного довольствия. 7 апреля он «поспешно выразил согласие со всеми актами Сената, принятыми с 1 апреля», заявив, что будет «верно служить Бурбонам»⁷⁵. В то же время оккупация Парижа русскими войсками вызвала его возмущение, о чем он неоднократно писал своей сестре, особо отмечая «жестокость казаков, которые не жалеют даже женщин»⁷⁶.

3 июля он сменил свою квартиру на улице Нев-дю-Люксембург на скромную меблированную комнату в доме 27 по улице Мэль. Не имея ни должности, ни определенных занятий, весь в долгах, он принял решение уехать в Милан: «...Сегодня оставаться жить здесь в полунищете для меня немислимо – тем более что своим образом жизни я связан в основном с богатыми людьми»⁷⁷. 20 июля 1814 г. будущий писатель, лишившись всего, покинул Париж. Его военная карьера осталась в прошлом. Анри Бейлю исполнился 31 год. Через несколько дней он получит назначение послом во Флоренцию. Начинался новый этап его жизни, теперь

⁷³ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 235.

⁷⁴ *Ibid.* P. 239.

⁷⁵ *Stendhal. Correspondance.* P. 301.

⁷⁶ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 300.

⁷⁷ *Ibid.* P. 242.

уже под именем «Стендаль», но годы, проведенные на войне, остались в его душе и в его памяти навсегда... Участие Бейля в военных кампаниях Наполеона обнажило для него худшие стороны войны. Будучи военным чиновником, он имел возможность на протяжении шести лет не только наблюдать за поведением человека на войне, но и анализировать характер взаимоотношений между армией Наполеона и населением территорий, на которых оказались французские солдаты. Это относилось к Вестфальскому королевству (1808), Австрии (1809), России (1812), Саксонии (1813). Бейлю пришлось также в 1814 г. участвовать в организации обороны французского департамента Изер в преддверии подхода армий антифранцузской коалиции. Под влиянием тягот войны и через постижение «человека воюющего» он менялся и как человек, и как творческая личность. Благодаря полученному опыту будущий великий писатель Стендаль дал миру новое, более реалистичное, чем было в литературе до него, представление о войне. Э. Хемингуэй скажет об этом так: «Стендаль видел войну, и Наполеон научил его писать. Он учил тогда всех, но больше никто не научился»⁷⁸.

Список литературы

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 30, оп. 1, д. 266. [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 30, op. 1, d. 266]
- Стендаль. Записки эгоиста // Собрание сочинений. М.: Правда, 1959. Т. 13. [Stendal. Zapiski ehgotista // Sobranie sochinenij. Moskva: Pravda, 1959. T. 13.]
- Стендаль. Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазиио. М.: Музыка, 1988. [Stendal. Zhizneopisaniya Gajdna, Mocarta i Metastazio. M.: Muzyka, 1988.]
- Стендаль. Записная книжка. М.: Вагриус, 2001. [Stendal. Zapisnaya knizhka. M.: Vagrius, 2001]
- Стендаль. Расин и Шекспир. М.: Правда, 1987. [Stendal. Rasin i Shekspir. M.: Pravda, 1987.]
- Стендаль. Анри Брюлар // Собрание сочинений. М.: Правда, 1959. Т. 13. [Stendal. Anri Bryular // Sobranie sochinenij. M.: Pravda, 1959. T. 13.]
- Стендаль. Жизнь Наполеона // Собрание сочинений. М.: Правда, 1955. Т. 11. [Stendal. Zhizn' Napoleona // Sobranie sochinenij. M.: Pravda, 1955. T. 11.]

⁷⁸ Цит. по: Эренбург И. Уроки Стендаля // Иностранная литература. 1957. № 6. С. 202.

- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P.: La Sabretache, 1913.
- Mérimée P. Henry Beyle. P.: Brissot-Thivars, 1850.
- Stendhal. Journal (1811-1823). P.: Le Divan, 1937. T. V.
- Stendhal. Correspondance. P.: Le Divan, 1933.
- Stendhal. Théâtre. P.: Le Divan, 1931.
- Stendhal. Lucien Leuwen. P.: Gallimard, 2010.

Postnikova A. Europe under the Napoleon's reign: view of Stendhal

Article is devoted to A. Beyl (Stendhal's) participation in military campaigns of Napoleon. A. Beyl, being a military official, I have had an opportunity for 1808-1814 not only to watch behavior of the person in the war, but also to analyze nature of relationship between Napoleon's army and the population of territories on which there were French soldiers. It belonged to the Westphalian kingdom (1808), Austria (1809), Russia (1812), Saxony (1813). To A. Beyl also Izer in anticipation of approach of armies of the anti-French coalition in 1814 was necessary to participate in the organization of defense of the French department. The author of article has paid much attention to the changes happening in A. Bale as the person and the creative person under the influence of experience of participation in military campaigns. Thanks to the got experience future great writer Stendhal has given to the world new, more realistic, than there was in literature to him, an idea of war.

Keywords: Napoleonic wars, A. Beyl (Stendhal), military occupation, image of war in literature.